№ 52. Варшава, Четверг 16 сентября 1920 г. изд. Год I.

СВОБОДА

РОССІЯ.
СОЮЗ НАРОДОВ.
УЧР. СОБРАНІЕ.
ЗЕМЛЯ-НАРОДУ.
ЗАКОН.
ПОРЯДОК.

Ближайшіе сотрудники:
Б. В. Савинков, Д. С. Мережковскій, З. Н. Гиппіус, Д. В. Философов. А. А. Дикгоф-Деренталь.

Собственные корреспонденты:
В Польшѣ, в Крыму и за границей.

Адрес редакціи и конторы:
Новый Свѣт № 22, кв. 47, тел. № 281-88
Редактор принимает от 12 до 2 час дня.

Рукописи не возвращаются.

ЦѢНЫ ОБЪЯВЛЕНІЙ:
Впереди текста — 10 мар., среди текста — 15 мар., позади текста — 5 мар. за строку петита.

ПОДПИСКА:
В Варшавѣ и на провинцію в мѣсяц 100 м. за границу 120 мар.

Цѣна номера 5 мар.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ.

ЗА РОДИНУ И СВОБОДУ.

Смысл войны.

Когда наш друг идет по узенькой дощечкѣ над пропастью, мы не должны кричать: „Берегись, упадешь!" Наш крик может погубить: испугавшись, он сдѣлает невѣрный шаг и упадет.

Когда Польша недавно шла над пропастью, мы с замирающим сердцем слѣдили за ней молча и только молились: сохрани ее Господь. И молитва наша услышана, Польша спасена.

Теперь можно и должно говорить о миновавшей опасности, о невѣрных шагах, роковых ошибках, которые довели Польшу до края пропасти и едва не погубили. Вѣдь, если она спасена, то чудом. В чудо надо вѣрить, но нельзя чудес требовать, искушать Бога.

Кажется, главная ошибка теперь ясна для многих—о, если бы для всѣх в Польшѣ! Ошибка эта—вовсе не поход на Украину, как внѣшнее стратегическое дѣйствіе, но внутренній политическій смысл, который придан был этому походу, а через него и всей войнѣ, наиболѣе значительной и вліятельной частью Польскаго общества.

Надо сказать правду: с самаго начала войны, политическій, національный и всемірный смысл ея был неясен. С кѣм Польша воюет: с большевиками или с Россіей?

Для нас русских, отвѣт был лучезарно — ясен. Если большевики—злѣйшие враги, убійцы Россіи, то война с ними—война не с Россіей. Ни одной минуты не сомнѣвались мы, что в сердцѣ Польскаго народа отвѣт так же ясен. Но в сознаніи Польскаго общества ясности не было: тут смысл войны мерцал и двоился. Вот эта-то роковая двусмысленность едва не погубила Польшу.

Ошибки преуменьшать не слѣдует. Корнями своими уходит она очень глубоко, повторяю, не в сердцѣ, не в волѣ Польскаго народа, а в сознаніи Польскаго общества, или нѣкоторой части его.

Россія—враг Польши, исконный, вѣковѣчный и непримиримый, — одинаково, как Россія первая, царская, так и вторая, большевистская, а третьей Россіи нѣт и не будет. Сейчас нѣт Россіи: там, гдѣ она была,—пустое мѣсто, черная яма, бездонный хаос. Россіи нѣт — и благо Польшѣ. Гибель Россіи — спасеніе Польши; ничтожество Россіи — величіе Польши.

Может быть, никто этого не сознает и не высказывает так отчетливо, как я сейчас дѣлаю; но не связанная, не сознанная ошибка еще непоправимѣе: скрытый яд сильнѣе дѣйствует.

Стоит ли доказывать, что воля к небытію Россіи для Польши преступна и безумна, самоубійственна? Стоит ли доказывать логикой мышленія то, что логикой бытія уже доказано? Вот, когда можно сказать: не рой другому яму—сам в нее упадешь. Не Польша, а кто-то за Польшу рыл яму Россіи, и Польша едва в нее не упала. В одну яму едва не упала, начнет ли рыть другую?

Впрочем воля к небытію Россіи — ошибка не одной только Польши. Послѣ мира с Германіей, нелѣпаго и недѣйствительнаго, вся европейская политика на этой волѣ основана. Европа захотѣла устроиться так, как будто Россіи нѣт. И недурно устроилась. Дом, основанный на землетрясеніи. Кажется; скоро ясно будет для всѣх, что яма, вырытая для Россіи — могила Европы. Может быть, никогда еще не была так велика Россія, как сейчас, в своем паденіи; никогда еще так не учитывали вѣс Россіи на вѣсах всемірно-исторических. Если вся Европа окажется скоро на краю гибели, то это потому, что земная ось сдвинута тяжестью Россіи „несуществующей".

Польша к Россіи ближе, чѣм Европа: Польшѣ виднѣе. Искупит ли она теперь, послѣ Божьяго чуда под Вислой, ошибку Европы, или повторит свою собственную ошибку? Поймет ли, что убійство Россіи — самоубійство Польши? Божье чудо откроет ли Польшѣ глаза или потухнет во тьмѣ, только ослѣпив, как молнія?

Скоро Польшѣ придется отвѣтить на этот вопрос не словом, а дѣлом.

Маршал Пилсудскій в недавней бесѣдѣ с одним журналистом поставил тот же вопрос с неотразимою ясностью.

Оставаться на призрачной границѣ этнографической Польши, „линіи Керзона" и заключить мир с Совѣтским правительством; или переступить за эту границу, вести войну до конца сверженія Совѣтскаго правительства и мира с освобожденной Россіей? Польскому обществу предстоит сдѣлать выбор между этими двумя рѣшеніями, и сдѣлать его как можно скорѣе.

Но для того, чтобы сдѣлать выбор между войной и миром, надо, чтобы смысл войны был ясен. Горе Польшѣ, если в концѣ войны, в мирѣ, так же, как в началѣ, этот смысл мерцает, двоится, если война все еще двусмысленна: то с большевиками, то с Россіей.

Трагедія Польши заключается в том, что она не свободна в выборѣ. Тысячи рук тянутся к ней; тысячи голосов оглушают ее: „Мирись пока не поздно. А если не хочешь мириться, значит ты банда имперіалистов, захватчиков, хищников. Погибай—туда тебѣ и дорога".

Чьи это руки? Чьи голоса? Друзей или врагов? Если смысл войны ясен, то отвѣт прост. Большевики — враги Россіи; мир с ними — с нею война; с нею мир — война с ними.

Мира с большевиками могут требовать только враги Россіи.

Да, прост и легок отвѣт на словах,—но на дѣлѣ как труден! Война — дѣло. Смысл войны нельзя об'яснить никакими словами: надо его сдѣлать ясным. Сколько бы ни увѣряла Польша, что воюет с большевиками, а не с Россіей, — никто не повѣрит, пока Польша чего-то не сдѣлает.

Освободить Россію может только сама Россія; русское знамя могут поднять только русскія руки. Доходить до Москвы, чтобы свергнуть Совѣтское правительство, может быть и не надо; но надо идти на Москву. Если Польша без Россіи пойдет на Москву, то едва, переступит она за призрачную границу свою, „линію Керзона", как черта эта сдѣлается для нея чертою смерти. В Россію Польша одна войти не может,—может только с Россіей.

Это значит: с польскими знаменами должно соединиться русское; русское войско с польским. Тогда смысл войны будет ясен уже не на словах, а на дѣлѣ.

Если есть начало русскаго войска в Польшѣ, — хоть бы малое, то пусть оно не будет тайным. Пусть оно будет явным. И пусть благославит Польша русское знамя: за нашу и вашу свободу. Пусть скажет Польша русскому войску: на вашего и нашего врага—с Богом.

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Сегодня в номерѣ:

Бесѣда с ген. Махровым.

На днях прибыл в Варшаву Военный Представитель Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи, генерал лейтант П. С. Махров.

П. С. Махров родился в 1876 г. Академію Генеральнаго Штаба он окончил в 1907 г. и вскорѣ занял почетное мѣсто среди военных ученых. В 1907 г. появилась его диссертація на тему „Военная тайна и военная цензура". Затѣм он перевел с нѣмецкаго языка извѣстную книгу Мозера „Вожденіе корпуса в полевой войнѣ". В 1913 г. он выпустил книгу „Балканская война 1912—1913 года". Во время великой войны он написал изслѣдованіе „О примѣненіи воздухоплавательных аппаратов на войнѣ" и состоял нѣкоторое время преподавателем военных наук в школѣ авіаціи в Севастополѣ.

Генерал принимал участіе в русско-японской войнѣ, а в послѣдней, великой войнѣ, выступил на фронт в составѣ 13-ой пѣх. дивизіи.

В 1917 г. он был назначен Генерал-Квартирмейстером Штаба Главнокомандующаго Ю. З. фронта.

До 15 января 1918 г. П.С. Махров занимал должность Начальника Штаба Ю.-З. фронта, каковую должность он покинул, не желая подчиняться пресловутому Главкому" товарищу Крыленкѣ.

В Добрармію П. С. Махров прибыл 18-го февраля 1919 г. и занял должность Начальника Военных Сообщеній, сначала Крымской арміи, затѣм арміи Кавказской, которою командовал генерал Врангель. Одной из блестяще выполненных, ген. Махровым, военных задач по службѣ в Добрарміи, была эвакуація Царицына и всей Владикавказской желѣзной дороги, что приходилось производить при невѣроятно тяжелых условіях.

16 марта 1920 г. П. С. Махров, послѣ ухода ген. Романовскаго, вступил в должность Начальника Штаба Главнокомандующаго.

По прибытіи в Крым, 21 марта 1920 г. ген. Врангеля, П. С. Махров остался в занимаемой должности, каковую покинул в іюлѣ нынѣшняго года только потому, что по мнѣнію ген. Врангеля, он был единственным из близких ему людей, на котораго могла быть возложена столь отвѣтственная задача, как Военное Представительство Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи при Польском Правительствѣ.

Таковы краткія біографическія свѣдѣнія о генералѣ Махровѣ, которыя мы сочли нужным предпослать изложенію нашей с ним бесѣды.

Генерал ютится с семьей в двух маленьких комнатках гостинницы. Канцелярія его помѣщается в другой гостинницѣ, и видимо эти внѣшнія препятствія сильно стѣсняют дѣятельность П. С. Махрова, который привык энергично работать.

— „Я не люблю имѣть много помощников, сказал он. Каждый из моих сотрудников должен быть завален работой по горло. Пример этому подает ген. Врангель. Иногда он звонил ко мнѣ в 4 ч. ночи, отдавая послѣднія распоряженія, а в 7 ч. утра глядишь, он уже гдѣ-нибуть в госпиталѣ, или осматривает какую нибудь воинскую часть...

Работать пришлось нам в Крыму много. Особенно трудны были первые дни и мѣсяцы, с конца марта по конец мая. Время было трагическое. В Крыму остались герои, которых всегда и вездѣ мало, и люди усталые, ослабѣвшіе, впавшіе в апатію. Им было все равно. И когда меня спрашивают о помощниках ген. Врангеля, о людях работавших с ним весною, я всегда отвѣчаю, что работали тѣ, кто был под рукою. К ним надо относиться с благодарностью. И только теперь генералу удается окружить себя новыми силами, которых в Крыму не было и быть не могло...

До 24 мая шла работа по реорганизаціи арміи и гражданскаго управленія. 24 мая началась первая операція под Перекопом. Она началась раньше чѣм мы предполагали и хотѣли. Длилась она около 10 дней и привела к овладѣнію Мелитополем. Разбиты были двѣ большевистских арміи, взято в плѣн свыше 10000 человѣк, взято 40 орудій и много пулеметов.

Дальнѣйшія операціи, в іюнѣ мѣсяцѣ, привели к самым блестящим результатам. Конница Жлобы в количествѣ 7.500 коней была окончательно разбита и только около полуторы тысячи коней успѣло спастись. Когда мы овладѣли районом к сѣверу от Мелитополя и вошли в область, гдѣ работал знаменитый Махно, с которым у нас уже была нѣкоторая связь, в Штаб Арміи явились его атаманы. Они предложили свою помощь и сказали, что явились за приказаніями. Им были даны отвѣтственныя порученія, которыя они блестяще исполнили. В дальнѣйших своих дѣйствіях они оказали нам существенную помощь в дѣлѣ освѣдомленія о противникѣ, и по выполненію порученій партизанскаго характера. Крестьяне, послѣ опубликованія Южно-Русским Правительством аграрнаго закона, тоже переходили на сторону ген. Врангеля и очень помагали нам.

— В печать проникали свѣдѣнія об аграрном законѣ ген. Врангеля, но может быть Вы, Петр Семенович, ознакомите меня с ним болѣе основательно.

— Я Вам дам полный текст. Пока же замѣчу, что в основу его положено два принципа: 1) Вся земля крестьянам и 2) Вся земля крестьянам в частную собственность за очень незначительный выкуп по справедливой оцѣнкѣ.

Мы убѣдились, что крестьяне до крайности утомлены безправіем, что они жаждут наконец опредѣлить, что им принадлежит, и хотят, чтобы никто не посягал на принадлежащую им землю и имущество. По их мнѣнію, земля полученная даром—даром может быть и отнята. Поэтому они предпочитают ее купить. Сложнѣе вопрос с культурными хозяйствами, которыя по экономическим соображеніям нежелательно дробить между крестьянами. Крестьяне сами понимают это. Для того, чтобы опредѣлить, какія хозяйства должны остаться за крестьянами — образованы особыя комиссіи, волостныя и уѣздныя. В них участвуют крестьяне, агрономы и представители правительства. Впрочем подробности Вы узнаете из текста закона.

Важно то, что генерал Врангель твердо рѣшил не ограничиваться одним составленіем закона, а честно, быстро и послѣдовательно проводить его в жизнь. Поэтому так растет популярность ген. Врангеля среди крестьян, поэтому Махно, который хорошо знает психологію крестьян — помогает нам.

Положеніе Южно-Русскаго Правительства не легкое.

Оно не всегда в силах быстро справиться со сложными задачами. Но во главѣ его стоит такой человѣк как ген. Врангель, на глазах котораго прошла вся трагедія ген. Деникина. Генерал Врангель видѣл всѣ прежнія ошибки, и идет по новому пути, сплошь да рядом жертвуя своими личными симпатіями.

„Я выѣхал из Севастополя, продолжал П. С.," в іюлѣ мѣсяцѣ и с этого момента естественно гораздо менѣе освѣдомлен о происходящем на Югѣ Россіи. Могу только завѣрить, что военныя операціи идут по заранѣе разработанному плану и вполнѣ успѣшно. Слѣдует с большой осторожностью относиться к газетным извѣстіям, фабрикуемым зачастую нашими врагами.

Что касается польско-русских отношеній, то мнѣніе ген. Махрова можно резюмировать слѣдующим образом. Фактически и Маршал Пилсудскій и ген. Врангель как бы союзники, потому что борятся с общим врагом. Еще в іюнѣ мѣсяцѣ Маршал Пилсудскій об'явил в приказѣ по арміи, что Польша воюет не с Россіей, а с большевиками. Тогда же дипломатическій представитель Южно-Русскаго Правительства, В. М. Горлов, оффиціально заявил Польскому Правительству, что ген. Врангель считает польскія войска союзными. Вмѣшиваться в польскую политику ген. Махров, как представитель Врангеля не вправѣ. Он может только заявить, что Южно-Русское Правительство с большевиками мира заключать не будет. Во всяком случаѣ, Южно-Русское Правительство считает, что польско-русское сближеніе желательно для обѣих сторон. Ген. Махров с удовлетвореніем указал на любезный пріем, который он встрѣтил в Варшавѣ, как со стороны высших польских властей, так и со стороны польскаго общества. В заключеніе он с благодарностью отмѣтил ту работу, которую ведет в Польшѣ Б. В. Савинков и его группа.

В. Д—в.

ОБЗОР ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ.

Союз с ген. Врангелем.

Под этим заглавіем печатает большую передовую статью консервативный Краковскій „Час". Статья написана по поводу пріѣзда в Польшу ген. Махрова, который пріѣхал для того, чтобы „изслѣдовать и подготовить почву для союза Польши с той будущей Россіей, которая возникнет со временем на развалинах большевизма."

„Ген. Врангель желает, чтобы это была Россія либеральная, демократическая, правовая и что для нас не менѣе важно чуждая агрессивности по отношенію к своим сосѣдям и желающая жить с ними в мирѣ. Его программу поддерживают и на него возлагают надежды видные русскіе общественные дѣятели пребывающіе в Варшавѣ, и столь расположенные к нам, как Савинков, Мережковскій и вся группа об'единенная во круг „Свободы". Это безспорно из всѣх русских группировок самая близкая к нам и если бы она получала власть в Россіи, можно надѣяться, что с ней легко сравнительно мы пришли бы к соглашенію. Содѣйствовать ея побѣдѣ поэтому в наших интересах, и польское правительство поступает правильно, оказывая этой группѣ гостепріимство в Варшавѣ и стремясь к соглашенію с ней. Если к этому присоединим соображеніе, что Франція—наиболѣе расположенная к нам из союзных держав—тоже оказывает на нас давленіе, чтобы мы соединились с ген. Врангелем и указанной группой и вмѣстѣ с ними начали борьбу с большевизмом на жизнь и смерть — то вот повидимому всѣ аргументы, говорящіе—и оч. сильно—в пользу союза с ген. Врангелем и соглашенія с вышеуказанной русской группой, как основы нашей восточной политики.

Но против этих аргументов, говорящих за союз с Врангелем, „Час" выдвигает далѣе соображенія, требующія величайшей предосторожности в дѣлѣ принятія каких либо преждевременных обязательств в отношеніи к русскому генералу и стоящим за ним группам":

Прежде всего это—слабость тѣх политических сил внутри Россіи, на которыя опирается ген. Врангель... Сокрушеніе силою большевизма извнѣ прежде, чѣм он сам выварится в собственном котлѣ, потребовало бы огромнаго напряженія сил военных и финансовых... Если бы у нас была увѣренность, что в этих усиліях нас не оставят Европа и Америка или хотя бы одна Франція, то дѣло это представлялось бы иначе.

Если бы мы узнали, например, что многомиліардные расходы предпріятія, которое должно завести нас до стѣн Москвы или Петербурга, падут не на одни наши слабыя плечи, но будут распредѣлены между всей коалиціей, заинтересованной в этом предпріятіи, то самый тѣсный союз с Врангелем получил бы оч. реальный характер. Или, если бы знали, что помощь коалиціи не ограничится присылкой танков или амуниціи, офицеров и штабов, но что это будет общій польско-коалиціонный (или хотя бы польско-французскій) крестовый поход, то такое предпріятіе еще болѣе теряло бы характер смѣлаго рыцарскаго приключенія, и пріобрѣтало бы черты реальной и успѣх сулящаго мірового дѣла. Но пока такой увѣренности нѣт, требуется—осторожность!

Во имя „осторожности" „Час" совѣтует Польшѣ не связывать своей судьбы с судьбой арміи Врангеля. Может быть — говорит газета—придет и для этого союза подходящій момент, но сейчас он еще не пришел".

Приблизительно также смотрит и „Газета Варшавская", которая пишет:

„У нас раздавались голоса о необходимости заключенія формальнаго союза с ген. Врангелем но это было возможно в том только случаѣ, если бы против большевиков создавалась большая европейская коалиція, если бы мір пришел к убѣжденію, что большевизм можно и должно сломить силой оружія. Но раз этого нѣт, мы должны стремиться окончить войну, которую ведем только своими силами, хотя и сознаем, что мир с большевиками не даст нам всего, чего мы хотѣли бы.

Мы хотѣли бы на восточной границѣ прочнаго мира, а большевистское правительство не может нам его дать, потому что сомнительна его собственная прочность, а его обязательства не могут связывать никакого другого русскаго правительства. Мы должны быть готовы к тому, что когда в Россіи образуется законное правительство, нам придется с ним вторично заключать мир. Памятуя об этом наша делегація в Ригѣ должна при выработкѣ мирных условій избѣгать всего, что могло бы сдѣлать невозможным прочный мир с Россіей".

Высказываясь сейчас за хотя бы и непрочный мир с большевиками и против возможности союза с Врангелем, „Газета Варшавская" высказывает по этому поводу слѣдующія скорбныя мысли:

„Генерал Врангель был фактически нашим союзником в войнѣ с Совѣтами, его успѣхи облегчали наше военное положеніе и обратно наши побѣды были для него очень полезной диверсіей. Начать мирные переговоры с большевиками это как бы покинуть его в минуту опасности и, хотя нас не связывает никакой формальный договор, мысль эта однако оч. тягостна для нас и в нѣкоторой мѣрѣ тревожит даже нашу совѣсть."

Если печать праваго лагеря скрѣпя сердце идет на мир с большевиками и отказывается от союза с Врангелем, то печать лѣваго лагеря враждебно настроенная против Врангеля, не допускает мысли о возможности соглашенія с ним и рѣшительно настаивает на скорѣйшем мирѣ с большевиками. „Народ", недавно еще столь войственно настроенный, теперь обвиняет правую печать в „обструкціи" против мира и обрушивается на „Рѣчь Посполитую", которая совѣтует простое перемиріе без признанія совѣтской власти. „Такой выход, говорит „Народ" может быть выгоден Врангелю, но не Польшѣ".

Представители союзников в Кальваріи.

„Рѣчи Посполитой" сообщают что литовское правительство предложило англійскому и французскому правительствам прислать своих делегатов на конференцію, которая должна состояться между Литвой и Польшей в Кальваріи. Это предложеніе вѣроятно будет принято Англіей и Франціей.

О смерти адмирала Колчака.

II.

На пути в Иркутск.

9 Декабря поѣзда Верховнаго Вождя Колчака покинули Новониколаевск, который нельзя было удержать. Их было восемь. Один из них был нагружен русским золотом (приблизительно на 108.000 англійских фунтов); в других ѣхали премьер министр Пепеляев, ген. Каппель, личная охрана адмирала, состоявшая приблизительно из 1000 офицеров и солдат.

10 декабря прибыли в Маріинск, гдѣ чешскій гарнизон завладѣл паровозом адмиральскаго поѣзда и таким образом остановил его. Колчак принес жалобу ген. Жанэн. Начались долгіе и сложные переговоры. Наконец французскій генерал дал приказ отступать в слѣдующем порядкѣ: первыми должны были уйти всѣ чехо-словакскія эшелоны, потом польскіе, сербскіе, румынскіе, затѣм семьи жены и дѣти военнослужащих и русскіе санитарные поѣзда, которые были переполнены ранеными и больными.

Чехи назначили на всѣх главных станціях своих комендантов и контролировали таким образом всѣ сибирскія желѣзныя дороги. Всѣ просьбы об измѣненіи порядка слѣдованія и об устраненіи задержек поѣздов были чешским командованіем отвергнуты. Оно не обращало абсолютно никакого вниманія на всѣ страданія, которыя не поддаются описанію и которым подвергались русскіе эшелоны, оставшіеся позади.

Таким образом 17 декабря достигли Красноярска. Здѣсь чехи заявили, что только один из восьми поѣздов пойдет дальше. Никакія просьбы не могли заставить измѣнить это рѣшеніе, а так как адмирал не хотѣл уѣхать один, оставив своих вѣрных друзей, то казалось, что Красноярск будет могилой для всѣх. Чешскіе коменданты всѣх станцій принимали приказанія только от ген. Сирового, не признавая никакой другой власти. Ген. Жанэн отказался уѣхать вмѣстѣ с адмиралом Колчаком и не отвѣчал ни на его телеграммы, ни на вызовы.

Только послѣ невѣроятных усилій было получено разрѣшеніе на отправленіе трех поѣздов: поѣзда адмирала, поѣзда с золотым запасом и поѣзда премьер-министра. Остальные поѣзда должны были подвигаться в порядкѣ, назначенном ген. Жанэн. Позади чешских поѣздов осталось нѣсколько сот поѣздов, наполненных женами и дѣтьми русских военных, больными и ранеными, и всѣ эти поѣзда попали в руки красных.

В виду трагичности положенія Верховный Вождь обратился с нотой к представителям союзных держав, в которой он настойчиво просил пропуска для поѣздов с женщинами, дѣтьми, больными и ранеными, чтобы они могли продолжать путь по крайней мѣрѣ с такою же скоростью, как поѣзда со здоровыми чешскими солдатами. На эту ноту не послѣдовало никакого отвѣта.

Нѣсколько дней спустя, по распоряженію чешских начальников станцій, паровозы от русских поѣздов стали отцѣпляться и наконец наступил день, когда был отцѣплен паровоз от поѣзда главнокомандующаго ген. Каппеля—в тот самый момент, когда он отправлялся к мѣсту своего назначенія.

Ген. Каппель, будучи согласен с мнѣніями других военных русских и союзных экспертов, что чехи создают важныя затрудненія к задержанію наступленія красных, в письмѣ к чешскому командующему, потребовал созданіе интернаціональной контрольной комиссіи на главных станціях; письмо точно такого же содержанія было отправлено генералу Сировому и ген. Войцѣховским.

Ген. Сировой, командующій чешскими войсками в Сибири отвѣтил „что он не желает оказывать услуг русским".

И так женщины, дѣти, раненные, больные русскіе были брошены на произвол судьбы, также как и большое количество польских, сербских и румынских поѣздов. Все это попало в руки большевистских орд, и большая часть их была перебита.

У генерала Врангеля.

Успѣхи ген. Врангеля.

Из Севастополя телеграфируют, что большевики эвакуировали территоріи на запад от Кубани. Отряд, состоящій из 1200 казаков, соединился с арміей ген. Врангеля. Крестьянскія возстанія в южной Россіи постепенно разростаются. В послѣдніе дни отряды в зставших крестьян заняли гор. Никополь. Послѣднее сообщеніе генеральнаго штаба арміи Врангеля передает о возобновленіи на всем фронтѣ энергичных дѣйствій.

Заявленіе Струве.

Из Парижа телеграфируют, что министр иностранных дѣл южнорусскаго правительства Струве опровергает свѣдѣнія, распространяемыя большевистскими делегатами о мнимых пораженіях арміи ген Врангеля. Войска эти не понесли никакого пораженія, наоборот, разбили двѣ дивизіи красной арміи и взяли 6.000 плѣнных.

Бесѣда Врангеля с англійским журналистом.

„Дэли Телеграф" печатает бесѣду своего сотрудника с ген. Врангелем, помѣченную из Константинополя 3 с. м. Передав вкратцѣ исторію своей борьбы с большевиками, Врангель сказал: Сопротивленіе большевиков слабнет. В рядах их ширится деморализація. В ближайшем будущем армія моя перейдет к энергичному наступленію, однако настал уже момент, когда Запад должен ясно опредѣлить свое отношеніе к этому вопросу. Государства, которыя считают, что большевизм является угрозой для всего міра, должны рѣшиться на энергичное усиліе, чтобы с ним покончить. Иначе вся Европа станет жертвой голода и внутренних безпорядков. Мы готовы работать совмѣстно с каждым, кто желает сражаться против врага всего міра. Если Запад не примет наших предложеній, мы обратимся к обширным и богатым казачьим краям, которые никогда не согласятся на совѣтскій строй. Таким образом мы спасем много милліонов русских от голода и нужды. („Ист. Эксп.")

Крымская хроника.

— Опубликован приказ, регулирующій вывоз хлѣба заграницу из портов сѣверной Таврія—Геническа, Хорлов, Скадовска и др.

Согласно приказу, без особаго каждый раз разрѣшенія особоуполномоченнаго в Мелитополѣ Я. Т. Харченко, погрузка в портах сѣверной Таврія зерна для вывоза го заграницу воспрещается. Корпусам и частям, не входящим в состав корпусов, никаких самостоятельных операцій по товарообмѣну с заграницей не производить.

— В настоящее время количество выпекаемаго в городских пекарнях хлѣба вполнѣ достаточно для покрытія требованій всего населенія города. Благодаря этому цѣна на хлѣб понижается, и частным пекарям придется либо закрыться, либо перейти со спекулятивной торговли на болѣе нормальную. (П. Н.)

В Крыму.

Раз'ясненіе по поводу вывоза цѣнностей.

В виду того, что в связи с послѣдовавшим запрещеніем вывоза заграницу русской и иностранной валюты и цѣнностей создалась масса недоразумѣній, из авторитетных кругов получено сообщеніе, что это мѣропріятіе не имѣло намѣренія стѣснять торговлю. Имѣлось в виду пресѣчь спекуляцію с валютой. Всѣ коммерсанты, доставившіе в Крым товары и представившіе от управленія торговли и промышленности удостовѣреніе о том, на какую именно сумму ими доставлено товаров, могут получить возможность вывезти валюту. (П. Н.)

14-ое ДЕКАБРЯ.

РОМАН

соч. Д. С. Мережковскаго.

ПЕРВАЯ КНИГА.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

В залѣ Государственнаго Совѣта, в Зимнем дворцѣ, между Генерал-ад'ютантскою комнатою и временными покоями великаго князя Николая Павловича, в восемь часов утра все еще было темно, как ночью. Высокія окна, выходившія на двор, зіяли чернотой непроницаемой. Черно-желтый туман, казалось, проникал, как дым удушливо-ѣдкій, сквозь окна и стѣны. Восковыя свѣчи в тяжелых канделябрах, на длинном, крытом зеленым сукном столѣ, тускло горѣвшія освѣщали только середину залы, а углы тонули во мракѣ; и там два больших портрета, висѣвших друг против друга, Екатерины II и Александра I, выступали таинственно-призрачно, как будто Внучек и Бабушка переглядывались, перемигивались с одной и той же улыбкой лукаво-насмѣшливой.

Старые сановники, в пудрѣ, в шелковых чулках и башмаках, в мундирах, шитых золотом, блуждали, как дряхлыя тѣни, сходились, шептались, шушукались. А в самом темном углу сидѣли молча, не двигаясь, как три изваянія безжизненныя, три вставшіе из гроба покойника, семидесятилѣтній министр внутренних дѣл Ланской, восьмидесятилѣтній министр просвѣщенія Шишков и генерал Аракчеев, казавшійся вѣчным, без возраста. Послѣ убійства Настасьи Минкиной, в первый раз появился он во дворцѣ.

— Смерть дѣвки отняла у него способность заниматься дѣлами а кончина государя возвратила ему оную—говорили о нем.

Всѣ уже знали, что из Варшавы прибыл курьер окончательный с отказом цесаревича, и сегодня должен быть подписан манифест о восшествіи на престол императора Николая I. С минуты на минуту ждали князя Александра Николаевича Голицына с манифестом, переписанным набѣло. Когда открывалась дверь, оглядывались,—не он ли?

Высокаго роста, благообразный, милый и важный старик, с полусѣдыми волосами, зачесанными наверх плѣшивой головы, с продолговатым, тонким и блѣдным лицом, с двумя болѣзненными морщинами около рта—в них меланхолія и чувствительность,—весь тихій, тишайшій, осенній, вечерній, — Николай Михайлович Карамзин, стоя у камина, грѣлся. Всѣ эти дни был болен. „Нервы мои в сильном трепетаніи. Слабѣю как младенец от всего",—жаловался. Поражен был смертью государя, как смертью друга, брата любимаго; и еще больше—равнодушіем всѣх к этой смерти. „Всѣ думают только о себѣ, а о Россіи—никто". Все оскорбляло его, мучило, ранило; хотѣлось плакать без всякой причины. Чувствовал себя старою „Бѣдною Лизою".

Николай поручил ему составить манифест о своем восшествіи на престол. Составил, но не угодил. „Да благоденствует Россія мирною свободою гражданскою и спокойствіем сердец невинных",—эти слова не понравились; велѣли передѣлать. Передѣлал—опять не понравилось. Манифест поручили Сперанскому.

Карамзин огорчился, но продолжал бывать во дворцѣ, говорил о причинах общаго неудовольствія и о мѣрах, какія надо принять для блага отечества.

Никто не слушал его, и он замолчал, отошел. „Кончена, кончена жизнь! Умирать пора", — плакал и смѣялся над старою Бѣдною Лизою.

Стоя теперь у камина, поглядывал издали на все с грустью задумчивой. „Гляжу на все, как на бѣгущую тѣнь",—говаривал.

Рядом шептались два старичка-сановника.

— Надѣюсь, мы вас не лишимся?—спрашивал один.

— Бог знает, что с нами будет!—пожимал плечами другой. — Намедни, за ужином, Петр Петрович шампанским угащивал: „Выпьем, говорит, неизвѣстно, будем-ли завтра живы".

— Все грустить изволите, ваше превосходительство? — сказал, подойдя к Карамзину, обер-камергер Алексѣй Львович Нарышкин, весь залитый золотом и брилліантами, с лицом величаво-привѣтливым и незначительным, с жеманно-любезной улыбкой старых вельмож Екатерининских. Весельчак, забавник, шутившій даже тогда, когда другим было не до шуток.

— Не я один, а вся Россія... — начал-было Карамзин.

— Ну, Россію лучше оставим, — усмѣхнулся Нарышкин тонкою усмѣшкою.—Давеча, во время панихиды, на Дворцовой площади расшалились извозчики. Послали унять: стыдно-де смѣяться, когда всѣ плачут о покойникѣ. „А чего, говорят, о нем плакать? Пора и честь знать, вишь сколько процарствовал!" Вот вам и Россія!

Блѣдное лицо Карамзина вспыхнуло.

— Смѣю думать, ваше превосходительство, что в Россіи найдутся люди, которые заплатят долг благодарности...

— Ну, полно, мой милый, кто нынче долги платит? Что до меня, я только на одрѣ смерти скажу: C'est la première dette, que je paye à la nature, — разсмѣялся Нарышкин.

— Развѣ так дѣла дѣлают? Всѣ бумаги перепутали! У вас, сударь, нѣт царя в головѣ! — кричал злой карлик с калмыцкой рожицей, министр юстиціи Лобанов-Ростовскій, на исполняющаго должность государственнаго секретаря, старую сѣдую крысу, Оленина.

— Что это он говорит: нѣт царя? — не понял князь Лопухин, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министров, кавалер Большого Мальтійскаго Креста, старик высокій, стройный и представительный, набѣленный, нарумяненный, с вставною челюстью и улыбкой сатира. Он страдал глухотой, а в послѣдніе дни, от разстройства мыслей, глухота усилилась.

— Говорит, что нѣт царя в головѣ у Оленина, — покричал ему Нарышкин на-ухо. — А вы думали что?

— Я думал, нѣт царя в Россіи.

Сообщеніе Польскаго Генеральнаго Штаба.

от 15 сентября 1920 г.

На южном фронтѣ наши отряды совмѣстно с украинской арміей перешли линію Днѣстра под Жежавой, Езуполем и Галичем и, послѣ упорных боев, заняли возвышенія на восток от Галича и мѣстности Михалувку и Белешовце. При этой операціи взято 300 плѣнных и 4 пуле[illegible].

Далѣе на сѣвер в районѣ между рѣкой Гнилой Липой и Свиржем наши отряды достигли линіи Мартынов—Коло—Козлин—Загорье—Подкамень. На остальном малопольском участкѣ обыкновенные бои развѣдочных отрядов. При вчерашнем наступленіи на м. Лацкіе отличился пор. 12 п. Магіера, три раза раненый он устоял на посту до конца боя, во время котораго был уничтожен 421 сов. пѣх. полк.

В районѣ на восток от Владиміра Волынскаго наши отряды, продвигаясь побѣдоносно вперед, заняли Березовце и Хоростов. Непріятельская контр-атака в районѣ Ковеля отражена.

На сѣверо-восток от Ковеля отряды ген. Балаховича заняли Камень Кашинскій, захватив баттарею, 1000 плѣннѣх и 500 возов и множество снарядов.

На восток от Кобрыня наши отряды, отразив контр-атаки непріятеля, перешли линію канала Буг—Днѣпр.

На сѣвер от Кобрыня разбитый непріятель; потеряв в бою 150 плѣнных, 16 пулеметов и 600 раненых и убитых, отступает на Пружаны.

У Свислочи непріятель отступил на восточный ея берег.

В Сувалкской области обычные бои передовых отрядов.

ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНІЕ ВОЙСК ПОЛЬСКИХ.
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ.

Наканунѣ мирных переговоров.

Поѣздка Чичерина.

„Рѣчи Посполитой" сообщают из Берлина, что кромѣ Іоффё должен выѣхать в Ригу еще Чичерин.

От'ѣзд мирной делегаціи.

Польская мирная делегація выѣхала третьяго дня вечером через Гданск в Ригу. На вокзалѣ провожал делегацію начальник генеральнаго штаба ген. Розвадовскій, министр желѣзных дорог Бартель, сеймовые депутаты, представители прессы и многочисленная публика. В Гданскѣ ждут делегацію два англійских парохода, которые перевезут делегацію в Ригу.

Заявленіе предсѣдателя делегаціи.

Перед от'ѣздом предсѣдатель делегаціи тов. министра Домбскій заявил представителям печати слѣдующее:

„Я уѣзжаю с вѣрой, что на этот раз усилія наши приведут к благопріятному и всѣми желанному результату. Пребываніе польской делегаціи в Варшавѣ и обмѣн мнѣній с представителями нашего правительства привели к полному единомыслію относительно принципов, на которых может быть основана совмѣстная жизнь с восточными сосѣдями. Принципы эти не отличаются от инструкцій, с которыми наша делегація выѣзжала в Минск, в виду того, что польская Рѣчьпосполита не намѣревается использовать блестящих побѣд нашей арміи с цѣлью заставить противника принять мир, она неизмѣнно стремится к продолжительному и справедливому миру на почвѣ соглашенія. Из основ такого мира, вытекает, что наши принципы будут темой для переговоров, поэтому передача подробностей, на которых мы намѣреваемся основать наши предложенія является преждевременной. Считаю установленым, что если противная сторона приступит к мирным переговорам с искренним желаніем заключить мир, тогда она будет вынуждена, признать умѣренность и справедливость нашей позиціи, а тогда устанановленіе прелиминарных основ мира, опредѣленіе условій перемирія и наших границ не должно встрѣтить препятствій. Надѣюсь, что мы встрѣтим в Ригѣ с противной стороны добрую волю и на этой надеждѣ мы основываем свое убѣжденіе, что переговоры приведут к заключенію мира.

Состав делегаціи.

Польская делегація состоит в общем из 80 чел. Перемѣны касаются представителей правительства, а именно вмѣсто государственнаго секретаря д-ра Врублевскаго и руководителя секцін К. Ольшовскаго примут участіе в рижских переговорах посланник Каменецкій и chargé d'affaires Василевскій.

С делегаціей выѣхали также в Ригу представители варшавской и заграничной печати.

(„Кур. Пор.")

Прибытіе делегаціи в Гданск.

Из Гданска телеграфируют, что 15 с. м. в 9 ч. утра туда прибыла из Варшавы спеціальным поѣздом польская мирная делегація вмѣстѣ с экспертами и вспомагательным персоналом.

Члены делегаціи в составѣ 60 чел. выѣхали в полдень на 3 миноносцах в Ригу.

Заявленіе Падеревскаго.

Во время продолжительной бесѣды с корреспондентом „Пти Журналь" Падеревскій заявил, что если будет заключен польско-большевистскій мир, что является вѣроятным, то послѣдствіем этого мира будет признаніе совѣтов в качествѣ фактическаго правительства, однако отнюдь не в качествѣ правительства, основаннаго на правѣ. Даже послѣ заключенія мира, Польша будет вынуждена быть всегда готовой к оборонѣ. Обсуждая вопрос о присоединеніи Польши к малой Антантѣ, Падеревскій вспомнил, что он работал в Америкѣ над осуществленіем этой идеи, которую раздѣлял Массарик. Польша протягивает обѣ руки к Румыніи и ничего ее не раздѣляет от Сербіи, Кроатіи и Славоніи, она желает сохранить добрыя отношенія с Чехами, сожалѣет однако, что чехи не предприняли в Чѣшинской области ни одного шага, который сдѣлал бы возможным дружественныя отношенія с ними. Польша лояльно будет исполнять указанія, принятыя в самый критическій для нея момент. Небольшія уступки были бы достаточны для удовлетворенія обѣих сторон, между тѣм как предложенная Польшѣ развязка вызвала у поляков чувство горечи, которое сохранится на долго. Падеревскій полагает, что возможны новыя группировки держав, однако заявляет, что Польша не присоединится ни к одному из таких союзов, первым основаніем котораго не будет благодарность, вѣрность и безусловное довѣріе к Франціи. Газета увѣряет, что руководящей мыслью Падеревскаго привести к заключенію такого военнаго договора между Польшей и Франціей, какой Франція заключила с Бельгіей.

(ПАТ).

Еще одно заявленіе Падеревскаго.

Во время бесѣды с корреспондентом „Энтрансижан" Падеревскій заявил, что Польша приняла на себя по отношенію к Франціи святой долг благодарности.

Ген. Вейган, в значительной степени способствовал побѣдѣ, он вернулся во Францію послѣ завершенія дѣла. Падеревскій считает, что сохраненія мира очень затруднительно вслѣдствіе существованія полнаго согласія между большевиками и нѣмцами. Падеревскій прибавил, что Польша поддерживает прекрасныя отношенія с русскими патріотами, между прочим с Врангелем, в виду того, что в Россіи находятся еще искренніе патріоты, в чем можно будет вскорѣ убѣдиться. Далѣе Падеревскій заявил, что был одним из первых тѣх, которые стремились к группировкѣ государств, являющихся сосѣдями Германіи и Австріи. Масарик раздѣлял тогда его взгляды, однако теперь, „малая антанта" пріобрѣла совсѣм другой характер.

(ПАТ).

Призрак голода в Совдепіи.

„Телеграфен Компани" сообщает: из послѣдних отчетов Высшаго Хозяйственнаго Совѣта видно, что хозяйственное положеніе Россіи становится все болѣе катастрофическим. Вмѣсто 400 милліонов пудов хлѣба, которые Высшій Хозяйственный Совѣт считал необходимым для снабженія в теченіе зимы, собрано всего 30 мил. пудов. В лучшем случаѣ ожидают сбора в размѣрѣ от 40 до 50 мил. пудов. В связи с незначительной добычей угля в Донецком бассейнѣ, повсюду ощущается угольный голод. Попытка перевозки нефти по Волгѣ не удалась. Положеніе обостряется до того, что Зиновьев признал необходимым предсказать населенію Петрограда тяжелую зиму, во время которой страданія населенія превзойдут всѣ предыдущія.

(ПАТ).

Совѣтская Бухара.

„Правда" сообщает, что совѣтское правительство может документально подтвердить, будто бы Ангія возбуждала Бухару об'явить войну против совѣтской Россіи. Очевидно, что большевистскій удар на Бухару был давно подготовлен. В Бухарѣ введен милитаристическій абсолютизм. „Извѣстія" сообщают, что в Москвѣ существует бюро „красный восток", которое занимается пропагандой коммунизма среди народов средней Азіи.

(Форвертс).

На Дальнем Востокѣ.

По словам весьма авторитетнаго лица, только что прибывшаго из Сибири,—вот в каком видѣ рисуется политическая жизнь там:

Партія соціалистов - революціонеров, которая при Колчакѣ пользовалась огромным вліяніем в жизни края и домогалась передачи власти в ея руки, находится в состояніи жесточайшаго разложенія. Крестьянство, составлявшее оплот партіи, от нея отошло. Интеллигенція разсыпалась. Часть, разочаровавшись революціею, значительно поправѣла, часть ушла к большевикам, низы ударились в самый безпринципный бандитизм.

Всѣ попытки идейных эс-эров придти к компромиссу с большевиками, на основѣ признанія прав партіи, фактически не привели ни к чему. Там, гдѣ, путем всяческих уступок и самоограниченія, эс-эры добивались извѣстнаго соглашенія с большевиками, — большевики при первом удобном случаѣ грубо нарушили условія этого соглашенія. Тысячи эс-эров сидят в тюрьмах. Сотни их разстрѣляны. В нѣкоторых округах западной Сибири и сейчас большевики ведут настоящую охоту на эс-эров.

Самым страшным явленіем сибирской жизни сейчас является именно бандитизм. Питается он, кромѣ причин политических, тяжким экономическим положеніем,

Вѣсти из Совдепіи.

Безпорядки в Совдепіи.

Из Копенгагена сообщают, что большевистское правительство пыталось скрыть перед всей Россіей разгром совѣтской арміи, дѣйствующей на Бугѣ. Однако извѣстія эти об этом разгромѣ быстро разошлись по всей Совдепіи и вызвали кровавыя безпорядки во многих городах, а в особенности в Петроградѣ. Члены антибольшевистских организацій произвели цѣлый ряд покушеній на представителей большевистских властей.

(„Ист. Экст.")

Из Лондона телеграфируют, что „Таймс" передает сообщеніе о совершенных покушеніях на народных комиссаров в Москвѣ. В совѣтском флотѣ вспыхнуло возстаніе против большевистской власти.

(„Ист. Экст.")

Безпокойство в Кремлѣ.

Из Ревеля сообщают, что вслѣдствіе все возрастающаго в Россіи возбужденія, охватывающаго все большіе круги, совѣтское правительство постановило созвать 23 сентября засѣданіе всероссійскаго центральнаго исполнительнаго комитета. Это засѣданіе состоится в Москвѣ, в Кремлѣ. На повѣстку поставлены: 1) реферат предсѣдателя совѣта народных комиссаров о внутреннем и международном положеніи Россіи. 2) Реферат спеціальной транспортной комиссіи. 3) Реферат комиссара продовольствія по вопросу о продовольственной кампаніи в текущем году. 4) Реферат комиссіи по вопросу об ограниченіи компетенціи мѣстных исполнительных комитетов. 5) Текущія дѣла.

(Ист. Эксп.)

— Да, пожалуй, и в Россіи, — опять усмѣхнулся Нарышкин своей тонкой усмѣшкой. — И вѣдь, вот что, господа, удивительно: уже почти мѣсяц, как мы без царя, а все идет так же ладно или так же неладно, как прежде.

— Все вздор дѣлают! В мячик играют! — продолжал кричать Лобанов.

— Какой мячик? — опять не понял Лопухин.

— Ну, об этом нельзя кричать на-ухо, — отмахнулся Нарышкин и шепнул Карамзину.—А вы о мячикѣ слышали?

— Нѣт, не слыхал.

— „Pendant quinze jours on joue la couronne de Russie au ballon, en se la renvoyant mutuellement", — это Лафероннэ, французскій посол, намедни пошутить изволил. Шуточка отмѣнная, только едва ли войдет в Исторію Государства Россійскаго!

Лопухин подставил ухо и, должно быть, услышав имя Лаферонне, понял в чем дѣло, тоже разсмѣялся, обнажая ровные, бѣлые зубы искусственной челюсти, и тлѣном пахнуло изо рта его, как от покойника.

— Ну, как ваши рюматизмы, Николай Михайлович? — проговорил пріятно-сиповатым голосом старик лѣт шестидесяти в довольно поношенном фракѣ с двумя звѣздами, с вѣнчиком сѣдых завитков вокруг лысаго черепа, с лицом бѣлизны удивительной, почти как молоко, с голубыми глазами, вращавшимися медленно, подернутыми влажностью, — „глаза умирающаго теленка",—сказал о них кто-то. Это был Михаил Михайлович Сперанскій. — А меня гемороиды замучили, — прибавил, не дождавшись отвѣта, и вынув из табакерки щепотку лаферма двумя длинными тонкими пальцами руки изящнѣйшей, засунул табак в нос, утерся шелковых красным платком сомнительной чистоты,—на тонкое бѣлье был скупенек,—и проговорил с самодовольной улыбкой: — Эх, был бы я молодец, если бы табаку не нюхал!

— Ну, что, ваше превосходительство, готов манифест? — спросил Карамзин, нарочно давая понять, что сердится и не завидует.

Сперанскій обратил на него свои медленные глаза с едва уловимой усмѣшкой на тонких губах:

— Ох, уж не говорите! Этот манифест мнѣ вот гдѣ!—указал себѣ на шею.—Как об'яснить необ'яснимое, растолковать народу эти сдѣлки домашнія? Николай отрекается для Константина, а Константин — для Николая. Ни в кузов, ни из кузова.

— Так что же было дѣлать?

— Не открывать завѣщанія, каши не заваривать.

— Презрѣть волю покойнаго?

— Мертвые воли не имѣют.

— Жестокія слова, ваше превосходительство!

— Лучше слова, чѣм дѣла жестокія. Нельзя играть законным наслѣдіем престола, как частною собственностью. Если покойный государь хоть сколько нибудь любил свое отечество, которое в 12 году дало ему такія неоспоримыя доказательства своей преданности, то как мог он подвергнуть Россію... Ну, да что говорить! Послѣднія десять лѣт превосходят все, что мы когда-либо о желѣзном вѣкѣ слышали... А, впрочем, может быть, „все к лучшему", как ваше превосходительство говорить изволите.

Карамзин молчал. Слезы обиды за друга, за брата любимаго кипѣли в душѣ его, и он с трудом их удерживал. Облокотившись о мрамор камина, опустил голову и закрыл глаза рукою.

— Нездоровится, ваше превосходительство? — спросил Сперанскій.

— Да, голова болит. Должно быть, от нервов. Нервы мои в сильном трепетаньи...

— Это нынче у всѣх. От погоды,—замѣтил Сперанскій.—А знаете, отличное средство для утвержденія нервов: вмѣсто чаю — холодный отвар миллефолія с горькой ромашкой.

— Миллефолій, миллефолій... — повторил Карамзин с улыбкой болѣзненной; что-то было в этом словѣ приторно-сладкое, тошное и томное, что застревало в горлѣ комком непроглоченным. И казалось ему, что сам Сперанскій с его лицом бѣлизны удивительной, почти как молоко, с блѣдно-голубыми глазами, подернутыми влажностью, „глазами умирающаго теленка", — весь, как миллефолій.

Сдѣлал над собой усиліе, проглотил комок и отнял руки от глаз.

— Да, все к лучшему, ваше превосходительство, хотя и не в смыслѣ здѣшняго свѣта, — улыбнулся тихою улыбкою.—Есть Бог—будем спокойны.

— Ваша правда, Николай Михайлович, будем спокойны,—улыбнулся и Сперанскій. — Я всегда говорил: Dei providentia et hominum confusione Ruthenia ducitur.

— Как? Как вы сказали?

— Божеским Промыслом и человѣческою глупостью Россія водится.

Карамзин опять закрыл глаза рукою. Ему хотѣлось плакать и смѣяться вмѣстѣ.

„Хороши мы оба, — думал он, — в такую минуту, когда рѣшаются судьбы отечества, россійскій законодатель ничего не находит, кромѣ смѣха, а россійскій историк — ничего, кромѣ слез. Кончена, кончена жизнь! Пора умирать, старая Бѣдная Лиза!"

Открылась дверь в Генерал-ад'ютантскую, и опять всѣ оглянулись. С большим портфелем в руках, сѣменя ножками, маленькій, толстенькій, кругленькій, как шарик, вкатился в комнату князь Александр Николаевич Голицын.

— Ну что, готов манифест? — обступили его всѣ.

— Какой манифест?—притворился он непонимающим.

— Э, полноте, [illegible]ительство, весь город знает!

— Ради Бога, господа, секрет государственный!

— Да уж ладно, не выдадим. Только скажите,—готов?

— Готов. Сейчас к подписи.

— Ну, слава Богу! — вздохнули всѣ с облегченіем.

И в темном углу зашевелились три тѣни дряхлыя. Аракчеев медленно перекрестился.

А на противоположном концѣ залы открылась другая дверь из коридора во временные покои великаго князя Николая Павловича, и генерал-ад'ютант Бенкендорф, позвякивая шпорами, скользя по паркету, как по льду, выбѣжал, весь легкій, летящій, порхающій; казалось, что на руках и ногах его — крылышки, как у бога Меркурія. Гладкій, чистый, вымытый, выбритый, блестящій, как новой чеканки монета. Молодой среди старых, живой среди мертвых. И, глядя на него, всѣ поняли, что старое кончено, начинается новое.

Разсвѣтало. Вставал первый день новаго царствованія — страшный, темный, ночной день. Черныя окна сѣрѣли, — сѣрѣли и лица трупною сѣростью. Казалось, вот-вот разсыплются, как пыл, разлетятся, как дым, тѣни дряхлыя, — и ничего от них не останется.

(Продолженіе слѣдует).

особенно невыносимым положеніем всѣх почти сплошь сибирских горных промыслов; большевики оказались не в состояніи наладить промыслы и организовать снабженіе рабочих продовольствіем, а поэтому рабочіе, разбѣгаясь с пріисков и заводов, ради того, чтобы не умереть с голоду, образуют многочисленныя и зачастую многолюдныя шайки разбойников, которыя ведут без перерыва борьбу и с мѣстным населеніем и с большевистскими и с иными властями.

(П. Н.)

Совѣты и Ллойд Джордж.

Московскія Извѣстія помѣстили статью Стеклова, обвиняющую Англію за ея отношеніе к совѣтской делегаціи. Стеклов заявляет что „Англія боится встрѣчи делегаціи с англійским пролетаріатом, ибо ея гнилая общественность рухнет“. Статья кончается заявленіем, что „Ллойд Джордж струсил—это очевидное банкротство“. Статья содержит в себѣ ряд безсильных проклятій по адресу Англіи, из которых видно, что позиція англійскаго правительства разрушила надежды большевиков.

(„Ист. Экст.“).

Возстаніе на Украинѣ.

Из Гельсингфорса сообщают что на Украинѣ ширится возстаніе против большевиков. Совѣтскія власти не в состояніи его подавить. Возставшіе отказались принять условія, выставленныя большевиками. Вооруженные отряды крестьян дѣйствуют на всей украинской территоріи.

(„Ист. Экст.“)

Разныя извѣстія.

Пять правительств Восточной Сибири.

По сообщенію „Тан“, в Сибири теперь цѣлых пять правительств: Владивостокское, Вернеудинское, Читинское, Благовѣщенское и Хабаровское, причем послѣднее не признается Владивостокским. Владивостокское правительство, по сообщеніям японцев не очень сильно и может попасть в руки большевиков. Читинское правительство — анти-большевистское, но не пользуется особым вліяніем.

(Форвэртс).

Манифестаціи в Эльзас-Лотарингіи.

Польскій консул в Страсбургѣ обратился к населенію с воззваніем о пожертвованіях в пользу польскаго Краснаго Креста. Призыв этот нашел сердечный отклик среди населенія Эльзаса и Лотарингіи и послужил поводом для сочувственной манифестаціи насаленія в честь Польши.

(Ист. Экспр.)

С'ѣзд в Грузіи.

Из Брюсселя сообщают, что Вандервельде-Гюисманс и их сотоварищи выѣхали в Грузію. Среди соціалистов, отправившихся туда, называют Ренodеля, Брукера, Каутскаго, Тома Шоу, Рансая, Макдональда и мистрис Сновден.

(Тан)

Программа засѣданія Лиги Народов.

На засѣданіи Лиги Народов, на котором будет предсѣдательствовать Буршуа, на повѣстку поставлены вопросы: польско-литовскій и аландских островов.

(ПАТ.)

Как простился Ллойд Джордж с Каменевым.

Англійскія газеты передают подробности трехчасовой бесѣды Ллойд Джорджа с Каменевым перед неожиданным от'ѣздом этого послѣдняго в Россію. „Дэйли Ньюс“ пишет, что встрѣча не отличалась тою сердечностью, которая характеризовала всѣ предыдущія бесѣды премьера с русскими делегатами. Ллойд Джордж заявил Каменеву, что ему был бы вручен паспорт на выѣзд, если бы даже он не хлопотал о его полученіе. Затѣм он заявил, что ни он, Каменев, ни Ротштейн, который выѣхал в Москву, не получат разрѣшенія на возвращеніе в Англію ранѣе мѣсяца и о возобновленіи политических переговоров не может быть рѣчи, пока англійское правительство не убѣдится, что московскія власти навсегда отказываются от намѣренія вмѣшиваться во внутреннія англійскія дѣла.

Обвиненія, которыя Ллойд Джордж выдвигнул против Каменева, заключаются в 4 пунктах: 1) что он занимался в Англіи продажей русских царских драгоценностей; 2 что он содѣйствовал выдачѣ субсидіи в размѣрѣ 75.000 фунтов стерлингов крайней соціалистической газетѣ „Дэйли Геральд“; 3) что завязал сношенія с англійской рабочей организаціей, именующей себя совѣтом дѣйствій; 4) что умышленно вмѣшал совѣтское правительство в вопрос о рабочей милиціи в качествѣ условія заключенія мира с Польшей.

Каменев рѣшительно все опровергал, а Красин высказал удивленіе по поводу обвиненій, которыя пред'явлены его товарищам, раз переговоры еще не сорваны и заявил, что слѣдует сомнѣваться, захочет ли вторая часть большевистской делегаціи оставаться в Лондонѣ в виду того, что первую ее часть принудили к выѣзду и запретили ей возвращеніе.

(ПАТ).

Рабочіе движенія в Англіи.

Вестминстер газет сообщает, что вся тяжесть забастовки углекопов падет на них самих. Когда предводители израсходуют всѣ деньги, забастовка прекратится. Дэли телеграф сообщает: без угля должна остановиться промышленность и массы рабочих останутся без куска хлѣба.

(Фоссише Цайтунг).

Дэйли Телеграф о совѣтской Россіи.

Совѣтское правительство, устроившее террор в Россіи и покрывшее ее кровью, не возбуждает больше ничьего интереса. Возвращающіеся из Россіи разсказывают лишь о царящем там деспотизмѣ и угнетеніи населенія. Только лишь тѣ защищают в Россіи совѣтскій рай, которые получают от большевиков субсидіи или же их протекцію.

(Фоссише Цайтунг).

Отставка Мильнера.

„Пти Паризьен“ сообщает, что лорд Мильнер подал в отставку.

(ПАТ.)

Холера в Вильнѣ.

„Уніон“ сообщает из Ковно 13/IX, что в Вильнѣ установлено около 50 случаев азіатской холеры. Приняты мѣры для ликвидаціи заразы.

(ПАТ).

Позиція Джіолитти.

Джіолитти заявил, по словам „Эхо де Пари“, что он не имѣет намѣренія формально признать совѣтское правительство, но он не хочет, подобно Мильерану отвергнуть попытку установить торговыя сношенія и товарообмѣн. Он будет держаться позиціи Верховнаго Совѣта, установленной 16 августа.

(ПАТ).

Чехи против Польши.

„Уніон“ сообщает из Праги, что чешскіе желѣзнодорожники постановили начать полный бойкот Польши и обратиться к желѣзнодорожникам сосѣдних государств с предложеніем присоединиться к этому бойкоту.

(ПАТ.)

Маленькій фельетон.

Без вины виноватые.

...И поднялись великія тѣни героев русской литературы... Ужасныя событія пробудили их безсмертныя души... Яркія пятна военных мундиров, пестрые и черные фраки, кафтаны, чуйки, косоворотки мелькали среди кружева фижм, рюшей и кринолинов... Шуршал шелк, звенѣли шпоры... Маленькія ножки героинь Тургенева неслышно ступали, среди гремучих подошв Собакевича, среди лаптей, старинных туфель с пряжками и модных ботинок. Тут были и сумрачные рѣзкіе лица героев Достоевскаго и вялыя, полныя меланхоліи улыбки „лишних людей“ и скучныя, пасмурныя физіономіи наших интелигентов, и дворяне, и купцы, и чиновники, и мѣщане, и крестьяне, и, даже босяки Максима Горькаго.

Тысячной, пестрой толпой, окружили они стол, покрытый традиціонным зеленым сукном, и ждали Городничій, Сквозник-Дмухановскій, быстро подошел к столу и начал, сильно волнуясь, рѣчь, тѣми-же старыми словами:

„Я, господа, пригласил вас с тѣм, что-бы сообщить пренепріятное извѣстіе: в Россію пріѣхал большевизм!“

„Как большевизм?!“ Господи Боже мой, неужели большевизм?!“ заволновались всѣ.

Городничій продолжал:

„Я как будто это предчувствовал... Мнѣ всю ночь снились двѣ необыкновенныя крысы; право, этаких я никогда не видывал: красныя, неестественной величины...Одна лысая, мрачная, а другая лохматая, горбоносая, и притом в пенснэ... Пришли, понюхали и... и не хотят идти прочь... Вы всѣ, конечно, помните, как сто лѣт назад пріѣзжал к нам этот вертопрах, котораго мы приняли за ревизора... Еще говорил, что с министрами в вист играет и во дворец ѣздит... Теперь все это оказалось истиной, это оказывается главный комиссар, и, дѣйствительно, всѣх министров обыграл и пустил по міру, и во дворец не только ѣздит, но и совсѣм в Зимній дворец на жительство переселился... И министерствами по своему управляет, и арбузы по семьсот рублей покупает. Все оказалось правдой... Так вот, господа, какое обстоятельство!“

Всѣ молчали.

„Ну что же?“ продолжал городничій: „что же вы теперь не смѣетесь, как весь вѣк смѣялись?..· Гдѣ-же ваши щелкоперы, бумагомараки?.. Говорите сію минуту— чьи это штучки, чье наслѣдіе?!“

Всѣ в недоумѣніи молчали. Гдѣ-то в уголкѣ забренчала гитара... Кто-то замурлыкал пѣсенку...

Трагик Геннадій Счастливцев выпрямился во весь рост и, отирая глаза фуляровым платком, провозгласил:

„Кто осмѣливается пѣть дурацкія пѣсни, и бренчать на гитарѣ в такую минуту, когда гибнет родина, гибнет Россія...

„Это... мы-с“.

„Кто „вы-с“?

„Я-с... Смердяков... Не извольте безпокоиться: все вздор-с... И за Россію не извольте безпокоиться...Россія—тоже вздор-с... Мы работаем спеціально... Сначала думали кафе открыть на Невском-с, а потом рѣшили большевизмом заняться... Много сподручнѣе“.

„Так это ты!... Твое поколѣніе, несчастная помѣсь дворянских помой-с идіотизмом... Вы создали большевизм?... Отвѣчай!“

„Мы-с! Не один я-с... Что-же вы молчите, господин Свидригайлов? И вы, Иван Иванович Карамазов? А вы, господии Базаров?

Господин Базаров прямо сказали, что истина-то не в Богѣ, а лягушкѣ сидит... Ну, мы и рѣшили-с, уж если в лягушкѣ истина, так грош ей цѣна и не стоит она того, что-бы лягушку потрошить... Ну, ежели истина вздор-с, то Бог тоже вздор-с, потому — какой-же Бог без истины? Кабы еще на том свѣтѣ что было-бы, еще подумали-бы, а насчет того свѣта госпдин Свидригайлов тоже очень легко нам об'яснили...

Будет, говорит, такая комнатка, на манер деревенской бани, полутемная, ну, лампочка будет коптѣть, и окромя пауков, ничего не будет... Сами посудите, коли вперед такая комната с пауками, то до чего не додумаешся!... Лежал я как-то в припадкѣ, коими с дѣтства страдаю, как изволите знать, и нашла на меня такая минута... Сразу сообразил, что не нужно зѣвать... Большевизм для нашего брата самое любезное дѣло... Лягушек рѣзать мы не умѣем, а человѣка, если понадобится, с нашим удовольствіем.

„С какой стати!... закричали голоса: „вы вѣрили Карамазовым, Свидригайлову или Базарову... вѣдь были-же у вас другіе учителя...“

„Какіе-с?“ прищурился Смердяков. „Вот вы всѣ на лицо...“

Господа больше по французки говорили, да и то больше скучали, а спросишь по совѣсти, так, так и отвѣчают:

„Не знаю... Мы, говорят, лишніе люди“... У кого-же учиться-то?.. Конечно, господин Тургенев на своих мужичков указывали... Да, мужички-то эти больше на Божьих коровок похожи... Не наш это брат... У нас вино в сорок градусов закваской в жилах ходит... Наши матери росту в два аршина с малым... Так из нас Божьих коровок не сдѣлаешь... Мы, народ травленый... Да послѣдніе годы, господа-то не похожи на господ стали: ходят, как мертвые, зѣвают, нѣкоторые в босяки к господину Максиму Горькому записались... А другіе и вовсе, не-знайками сдѣлались... Бывало, спросит старик Карамазов: „Алеша, есть Бог?“ „Есть, папенька!“ „Иван! есть Бог?“ „Нѣт, папаша.“ А теперь только и отвѣта, что „не знаю-с“... „Есть царство Божіе?“—„Не знаю-с“. „Есть истина?“—„Не знаюс“. А сами винцом балуются... Ну, и господина Арцыбашева тоже начали обожать... Насчет „ляфам“ значит... Ну, видим, плохо дѣло... Окромя стихов от господ ничего не дождешься... А стихи вздор с... У нас свой стихоплет сейчас в Россіи: господин Видоплясов книжку издает „Вопли Видоплясова“, или „Торжествующій пролетаріат“. Господа коммунисты одобряют.

„Слушай, хам!“ вскричал в ужасѣ кто-то: Но вѣдь у вас был Толстой! Гдѣ-же его ученіе?“

„Их ученіе нам не подходит потому, что их ученіе Святые Церкви прокляли, и на самого их „анафему“ наложили... Такому ученію мір нипочем вѣрить не будет... Нѣт, господа хорошіе, лучше моего Смердяковскаго ученія вам не выдумать!“

„Да, но умирать... Вѣдь будете-же вы умирать? Вѣдь есть-же Бог! Есть Страшный суд!“ закричали всѣ.

Смердяков захихикал:

„Ишь, когда за Бога хватились. Какой-такой Бог? Какой-такой страшный суд?

А в чрезвычайную комиссію хотите?... Вот вам и суд!

Снимайте-ка, господа генералы, эполеты, у нас этого не полагается... Давайте-ка, господа Онѣгин и Печорин, ваши бумажники... Я—Смердяков—вам приказываю...

Устроим вам царство небесное по Свидригайлову: комнату, лампу коптящую, да пауков, хотите?!“

Всѣ в ужасѣ молчали.

Смердяков опять захихикал.

„Испугались? То-то!“

Потом подбоченился и, направляясь к двери, громко крикнул:

„Шире дорогу! Смердяков идет!!!

АРКАДІЙ АРТЕМЬЕВ.

ХРОНИКА

Возвращеніе г. Витоса.

Предсѣдатель совѣта министров г. Витос вернулся в Варшаву.

Назначеніе полк. Бобицкаго.

Вслѣдствіе своего от'ѣзда по служебным дѣлам военный губернатор Варшавы ген. Латиник передал исполненіе своих обязанностей начальнику штаба полковнику генеральнаго штаба Бобицкому.

Отпуски призывным.

Бюро печати военнаго министерства сообщает приказ военнаго министра слѣдующаго содержанія:

Положеніе на фронтѣ и приближающаяся зима дают возможность временно удовлетворить в значительной степени нужды страны, что побуждает меня принять слѣдующія мѣры:

Слѣдует немедленно отпустить безсрочно и без права набора: 1) призывных 1890, 1891 и 1892 г., как незачисленных еще, так и зачисленных в запасныя части. Из числа призывных в рядах остаются только тѣ, которые уже ушли на фронт и добровольцы, записавшіеся в ряды войск еще перед набором. Кромѣ этого могут оставаться в рядах тѣ, которые этого пожелают; 2) призывных 1889, 1888, 1887, 188 , 1885 и 1902 г. (родившихся послѣ 30 іюля). Призывным и солдатам перечисленных категорій, не исключая унтер-офицеров, слѣдует давать немедленно послѣ осмотра безсрочный отпуск. 3) кромѣ этого слѣдует отпускать на время полевых работ призванных и солдат, которые составляют единственную мужскую силу в каждом сельском хозяйствѣ.

Крупная находка.

13 сентября, на вокзалѣ ст. Варшава главная, постовым желѣзнодорожной полиціи Р. Цынтелем, при осмотрѣ прибывшаго из Познани поѣзда был обнаружен кожонный саквояж, содержавшій в себѣ 234,000 марок. Было установлено, что этот саквояж принадлежит полковнику французской службы Э. Бартье. Деньги и саквояж вручены собственнику по принадлежности.

Покупка золотых и серебрянных монет.

Польская Краевая Ссудная Касса в настоящее время покупает золотыя и серебрянныя монеты по слѣдующим цѣнам: за 1 золотой рубль—93 м., серебрянный—60 м., за 1 рубль мелкой монетой—12 м.; за 1 золотую нѣмецкую марку — 43.50; серебрянную—16.50; за 1 золотую австрійскую крону — 37 м., серебрянную—13.50; за 1 зочотой франк—35 м., серебрянный—13.50.

Другія иностранныя золотыя и серебрянныя монеты Польская Краевая Касса покупает по цѣнам, соотвѣтствующим содержанію ими благородных металлов в сравненіи с выше перечисленными монетами.

Штраф.

Правительственный Комиссар г. Варшавы оштрафовал редактора древне-еврейской газеты „Гацефира“ в размѣрѣ 30.000 марок за напечатаніе отчета еврейскаго депутата Гартгласса о гор. Бѣла (Сѣдлецкой обл.).

(„Г. П.“)

Театр и музыка.

Сегодня:

Большой. „Галька“.
Розмаитосци. „Ветеран“.
Редута. „Бумажный любовник“.
Польскій. „Свадьба Фонся“.
Малый. „Клавдій“.
Новости. „Жаворонок“.
Пражскій. „Бубен“.
Повшехны. „Война с женами“.

Биржа.

15 сентября.

Рубли царскіе (100) 320—325.
„ „ (500) 295—310.
„ думскіе (1000) 86—83.
„ „ малые 58.
Доллары 235—240.
Франки 17—17,50.
Фунты стерлинги 870—890.
Марки нѣм. 465—475.

Редактор-издатель Б. А. [illegible]

Drukarnia Literacka, Nowy Świat 22